

Вторая средняя школа Жунчэна

«Осенний дождь бесшумно орошает землю» — Вань Цзиньцзянь на собственной шкуре ощутил всю глубину этой древней поэтической строчки. Не прошло и нескольких дней, как в их комнате общежития проклюнулась новая жизнь — какая-то зубчатая сорная трава.

Того и гляди, ещё немного, и прямо на полу начнут расти древесные грибы.

Днём парни прилежно просиживали штаны на уроках, а по ночам устраивали настоящие дуэли. Разыгрывали в «камень, ножницы, бумага», кому сегодня повезёт не вставать посреди ночи, чтобы вылить скопившуюся в тазах дождевую воду.

Они честно пытались жаловаться кастиелянше, но на все претензии получали один и тот же невозмутимый ответ:

— Крыша течёт. Починить сможем, только когда распогодится. Ждите солнца.

Вот и приходилось ждать. Пока другие молили о дожде, эти двое отчаянно жаждали ясного неба.

Ради такого дела Вань Цзиньцзянь даже раскошелится на небольшую статуэтку Бодхисаттвы, водрузив её на самом видном месте в комнате. Теперь каждое его утро начиналось с одного и того же ритуала: он отвешивал статуэтке земной поклон, зажигал палочку благовоний и истово шептал:

— О Будда всемилостивый, сделай так, чтобы сегодня дождь прекратился. Ом мани падме хум.

Из-за нескончаемой мороси традиционную понедельничную линейку отменили. Ректор Чжан Кай, приготовивший длинную, пафосную речь для поднятия боевого духа перед грядущими экзаменами, жутко расстроился. Смириться с тем, что его ораторский шедевр пропадёт зря, он не мог, а потому решил зачитать его через школьные громкоговорители.

Обычным ученикам на это было плевать — бубнит себе и бубнит, можно мимо ушей пропустить. Но только не Вань Цзиньцзяню. В этот понедельник он должен был публично, на всю школу, зачитать своё покаянное письмо и прилюдно осудить собственную глупость, совершённую под окнами девичьего общежития.

Заведующий Чжоу, прознав о планах ректора выступить по радиосвязи, тут же подсуетился на совете. Он предложил пустить этих непутёвых романтиков сразу вслед за ректором, дабы на их примере наглядно показать остальным: море страстей безбрежно, но пора одуматься и вернуться на берег.

На самом деле заведующий Чжоу просто хотел потешить своё эго. Шутка ли — старый конь борозды не испортил, лично поймал и приструнил банду, с которой не справлялся ни один учитель! Настоящий герой школы. А раз намечается триумф, то как же обойтись без главных виновников торжества?

Получив ценное указание, Вань Цзиньцзянь засел за работу. Под завывание ветра, раскаты грома и стук капель по стеклу он всю ночь ваял своё «чистосердечное признание».

«Если я напишу так, это не повредит моему образу?» — мысленно спросил он у Нима Вана.

За последнее время отношения между парнем и его системой претерпели некоторые изменения. Причина была проста — у Вань Цзиньцзяня стремительно заканчивались деньги. Все средства, вложенные в фьючерсы, сгорели из-за штрафных санкций во время его «любовного кризиса», а то, что осталось, вяло болталось на фондовом рынке без особых надежд на спасение.

Похоже, биржевые спекуляции и поиск сокровищ были явно не его коньком.

[Характер хоста глубок и проработан, он ни в чём не уступает прошлым носителям системы]

«Значит, эта система ещё и секонд-хенд?» — уныло подумал Цзиньцзянь.

«Что ж, тогда я спокоен».

Спрятав исписанные листы в карман, он со спокойной душой провалился в сон.

Чтобы не отвлекать выпускников от подготовки, динамики в корпусе третьего года обучения предусмотрительно отключили. Вещание шло только на первый и второй курсы, хотя, по сути, слушали только вторые — первогодки в сентябре ещё толком не обустроились.

Из громкоговорителей раздался голос ректора Чжан Кая — звучный, интеллигентный, со знакомыми книжными интонациями. Настоящий голос просвещения.

Вань Цзиньцзянь сидел в радиорубке в компании таких же провинившихся бедолаг. Парни тихо перешёптывались, ожидая, пока Чжан Кай закончит свою тираду, чтобы ринуться на амбразуру вслед за ним.

— Дорогие ученики, здравствуйте. Думаю, представляться мне не нужно, вы и так прекрасно меня знаете. Буду краток. Скоро начнутся промежуточные экзамены, и я хочу напомнить вам о нескольких важных вещах.

Первое: ведите себя достойно. Подходите к заданиям с холодной головой, пишите честно.

Списывать — это позор.

Второе: настоятельно рекомендую после каждого экзамена не сверять ответы с одноклассниками. Это только портит настроение. Будете вы сверять или нет, правильные ответы уже написаны, и им чужды наши печали и радости.

Третье: как вы знаете, после экзаменов школа планирует устроить осеннюю экскурсию. Конечно, всё будет зависеть от погоды, так что не стройте иллюзий заранее...

Цао Гэнвэй, сидевший рядом, тихонько толкнул друга в бок:

— Слышь, Вань, твоя Бодхисаттва ещё жива?

— Жива, а что? — голос Вань Цзиньцяня слегка дрожал. Ему впервые предстояло вещать на такую огромную аудиторию, и лёгкий мандраж всё-таки давал о себе знать.

— Ну и отлично, пусть стоит, — выдохнул Цао Гэнвэй, пытаясь сохранить остатки хладнокровия.

Заведующий Чжоу стоял у дверей рубки, с гордостью оглядывая своих подопечных. Он чувствовал себя триумфатором, единолично искоренившим заразу легкомыслия в стенах школы.

Где-то на середине речи микрофон от сырости начал безбожно фонить, и пришлось срочно вызывать мастера, чтобы тот подкрутил провода.

Наконец Чжан Кай закончил своё выступление. Его обещание «быть кратким» вылилось в бесконечный монолог, где он успел пройти по всему — от классической поэзии до философии жизни и восточного романтизма. Давать ректору микрофон определённо было ошибкой.

Цао Гэнвэй пошёл первым, чтобы прощупать почву и настроить звук под себя. Как опытный оратор, он говорил без бумажки, мастерски разыгрывая искреннее раскаяние.

След в след за ним пристроился Сун Ян. Его речь была лаконичной, хлёсткой и наполненной глубоким сожалением о содеянном с клятвой больше никогда не нарушать покой школы.

Вань Цзиньцяня оставили на десерт. Когда все отстрелялись, он медленно поднялся со стула и направился к микрофону. Напряжение дало о себе знать — колени предательски подгибались.

Микрофон стоял на высокой стойке, отрегулированной под рост ректора. Специально для Цзиньцяня мастеру пришлось опускать её почти до упора.

Что поделаться, ростом парень не вышел. В компании местных громил, чей средний рост приближался к метру восьмидесяти, Вань Цзиньцянь смотрелся довольно скромно. Впрочем, авторитет его держался вовсе не на физической силе, а на безграничной наглости и... толщине кошелька.

— Твоя очередь, Вань, — напутствовал его заведующий Чжоу. — Главное — не волнуйся.

Глядя на то, как успешно завершается его грандиозная воспитательная кампания, Чжоу прямо-таки светился от счастья.

Вань Цзиньцянь подошёл к стойке и постучал по мембране:

— Алло, привет всем. Меня слышно?

Заведующий Чжоу зашипел:

— Вань! Это не прямая трансляция в интернете. Тебя во всех классах слышно, читай давай.

— А, хорошо, спасибо, учитель, — вежливо кивнул парень и откашлялся. — Здравствуйте, я Вань Цзиньцянь из одиннадцатого класса. Думаю, особо представляться мне тоже не нужно.

Я виноват. Я заслуживаю самого сурового наказания. Мне вообще не следовало признаваться в любви Му Жун. Не следовало собирать этот дурацкий букет роз, обставлять его белыми поминальными свечами, орать в мегафон, предварительно надушившись бальзамом «Золотая звезда», и стоять там в зауженных штанах и дешёвых мокалинах-горошках. Му Жун совершенно правильно меня отвергла, показав своим поступком, что это была всего лишь проверка моей искренности. Но я ни о чём не жалею. Если бы всё можно было вернуть назад, я бы... обязательно продолжил. Настоящая любовь требует упорства. Я не боюсь испытаний. Я золото высшей пробы, я феникс, готовый сгореть и восстать из пепла!

Заведующий Чжоу вытаращил глаза:

— Что-о-о?!

Ректор Чжан Кай поперхнулся чаем:

— Заведующий Чжоу! Это ещё что такое?!

Заведующий Чжоу сам пребывал в легком шоке, но, пытаясь спасти лицо перед начальством, поспешил успокоить ректора:

— Директор, спокойно. У этого парня просто своеобразное мышление, он всегда выражается нестандартно. Он точно раскаивается, давайте послушаем дальше. Без паники.

Цао Гэнвэй в углу радиорубки молча показал другу большой палец: «Силён, чертяка. Только Вань может так красиво всех обуть».

В это же время в кабинете двенадцатого класса Му Жун сидела под перекрёстными, полными ехидства взглядами одноклассников.

— Вань опять ей в любви признаётся?

— Настоящие чувства дождём не зальёшь.

— Как романтично... Признание под шум дождя.

Теперь об этом знала вся школа. Му Жун залилась краской от смущения и злости на этого неугомонного Вань Цзиньцяня и просто спрятала лицо в ладонях, уткнувшись в парту.

В соседнем кабинете одиннадцатого класса Чжао Хаочэн безуспешно пытался сосредоточиться на тригонометрии. Новая рабочая тетрадь была исписана уже наполовину. Он старательно игнорировал бубнёж всех предыдущих ораторов, но стоило зазвучать голосу Вань Цзиньцяня, как мысли его пустились вскачь.

Над одной геометрической задачей парень завис добрых пять минут, так и не сделав ни единой пометки. Кончик гелевой ручки замер над белым листом, оставляя на бумаге чёрную точку, которая постепенно расползалась в жирную кляксу.

Да уж, чернила в этих дешёвых ручках оставляли желать лучшего. Стоит отвлечься — и привет, грязное пятно.

Он поднялся, дошёл до кулера, набрал стакан холодной воды и остановился у окна в коридоре.

В воздухе висела густая водяная взвесь. Ещё пару минут назад дождь казался мелкой моросью, но теперь небо разродилось крупными тяжёлыми каплями, которые с силой колотили по железным перилам, собираясь в мутные ручьи. За серой пеленой невозможно было разглядеть даже соседний корпус.

Чжао Хаочэн открыл окно, вылил воду из стакана прямо за борт и вернулся за свою парту.

Тем временем Вань Цзиньцзянь продолжал расписывать события той ночи во всех красках, словно давал показания на месте преступления — чётко, логично, с детальным анализом каждого своего неверного шага.

— Я совершил ужасную ошибку. Моя мама отправляла меня в школу не для того, чтобы я стал сладким заварным пирожным — мягкотелым пикапером, порхающим по верхам. И не для того, чтобы я превратился в подневольную печенюшку «Орео», которую всякий горазд «покрутить да облизать» — то есть в жалкого подкаблучника-лизоблюда. И уж точно не ради того, чтобы я заделался сушёной морской капустой, познавшей горький «вкус моря»... Прости, мама! Я стал и пирожным, и «Орео», а по совместительству ещё и водорослями подрабатывал. Собрал, так сказать, полный комплексный завтрак разочарования.

В этот момент на Цзиньцзяня навалилась такая тоска, что он, глядя на бушующую за окном непогоду, не удержался и добавил от себя:

— И ещё... нельзя ли починить крышу в общежитии? Дети под дождём спят уже несколько дней, у меня на голове скоро поганки вырастут.

Голос его дрожал от такого неподдельного трагизма, словно он озвучивал сцену смерти в дешёвой драме.

Что тут скажешь: чем больше у человека наглости, тем поэтичнее его речи.

Цао Гэнвэй округлил глаза.

Ректор Чжан Кай застыл с открытым ртом.

Заведующий Чжоу мысленно попрощался со своей годовой премией.

В кабинете одиннадцатого класса тут же оживились:

— Блин, он так про еду рассказывал, что у меня аж в животе заурчало. Есть у кого перекусить?

— Держи пачку сухой лапши, похрусти пока.

— У меня печенье с начинкой есть, будешь?

Чжао Хаочэн невольно улыбнулся. Вань Цзиньцзянь оставался верен себе — ни капли не изменился.

Отложив ручку, он подпёр подбородок рукой и принялся внимательно слушать трансляцию.

Ректор в радиорубке мрачнел с каждой секундой, становясь мрачнее грозового неба. Заведующий Чжоу понял, что пахнет жареным, рванулся вперёд и бесцеремонно вырвал микрофон из рук парня.

По всей школе разнёсся оглушительный, режущий уши писк обратной связи, который резко оборвался.

— Так, ладно, Вань Цзиньцян, на этом твоё раскаяние окончено. Быстро шагом марш в класс! — рявкнул Чжоу, пытаясь спасти остатки своего авторитета и нервную систему ректора.

— Учитель, стойте, я же ещё не всё дочитал! — притворно занял Цзиньцян, а сам лихорадочно ждал сообщения от системы.

Наконец в его голове раздался заветный звонок:

[Поздравляем хоста с успешным продвижением сюжета. Получена награда: 500 юаней. Пожалуйста, продолжайте в том же духе!]

Отлично, на баланс столовой в этом месяце капать будет.

Вань Цзиньцян мгновенно расслабился и отпустил микрофон, толкнув его в сторону заведующего Чжоу.

Тот, не ожидая такой лёгкой победы, дёрнул стойку на себя со всей силы. Потеряв равновесие, заведующий Чжоу не удержался на ногах и с грохотом полетел с трибуны тормашками вверх, словно мешок с мукой.

— Учитель! — хором ахнули испуганные парни.

Приземлившись на пол, он умудрился замереть в весьма живописной позе. Не выпуская из рук микрофона, он поднял свободную руку и показал всем жест «ОК»:

— Всё нормально... Я в порядке.

Кое-как утихомилив бурю, Чжоу попытался подняться, но в этот момент у дверей радиорубки раздался знакомый, чёткий стук каблучков.

— Вань Цзиньцян! — грозно выкрикнула Сунь Жолань, появляясь на пороге.

<http://bllate.org/book/20139/2177521>